

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

Ю. С. Оганисян

Россия перед вызовами
глобализации: проблемы
идентификации

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Rossiya_pered_Vyzovami.pdf

Перепечатка с сайта Института
социологии РАН <http://www.isras.ru/>

URL: <http://www.civisbook.ru>

РАЗДЕЛ II. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО

Ю. С. Оганисян

РОССИЯ ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИФИКАЦИИ

Странным образом, то направление научной мысли, которое связано с исследованием участия России в процессах глобализации, всякий раз упирается в идеологический дискурс, казалось бы, самой недавней историей снятый для отечественной науки, наконец-то высвободившейся из-под довлевших над ней десятилетиями догматических версий марксизма. Похоже, однако, эйфория от идеофобии проходит (никто сейчас не говорит о «конце идеологии», либо о том же, в принципе, «конце истории»). Один из парадоксов глобализации: вместо того, чтобы покончить с противоречащими самой ее сути национальными, социальными, конфессиональными и прочими идеологиями партикуляристского порядка, она усиливает их значение в общественно-политической жизни, не замещая их вместе с тем и некой собственной универсалистской идеологией.

Неоспоримо, что Россия давно – еще с советских времен – включена в глобальные перемены, определяющие перспективы мирового развития. Это закономерно. Глобализация стала велением времени. В стороне от ее воздействия не остались ни одна страна, ни одна из сфер человеческой жизнедеятельности, включая и теневые, далекие от ценностей мировой цивилизации. Многие исследователи и публицисты наделяют глобализацию всемогущими способностями, неподвластными обществу, придают ей едва ли не мистическое значение. Некоторые из них даже сам этот термин оценивают как неотразимое идеологическое оружие, «мощный инструмент убеждения, риторический прием, которому, в отличие от различных явлений внутренней политики, не существует противодействия»¹.

Известно множество определений и трактовок глобализации. Сам этот процесс с трудом поддается идентификации, общеприемлемой для участников дискурса. Примем наиболее общую, на наш взгляд, трактовку глобализации как процесса становления всемирного (глобального) общества, а конкретизируя эту трактовку применительно к заявленной теме,

¹ The National Interests. 1999. Spring. P. 9.

как процесса формирования нового сетевого общества, который развивается спонтанно, в результате взаимодействия многих социальных групп и отдельных людей. Такое общество, по М. Кастельсу, представляет собой совокупность взаимодействующих точек пересечения. В зависимости от рассматриваемого типа сети, это биржевые рынки и их вспомогательные центры в сети глобальных финансовых потоков; национальные правительства и международные органы управления в политической сети Евросоюза; телевизионные каналы и пресса, которые создают, передают и получают сигналы в глобальной сети; финансовые учреждения по отмыванию денег в сети торговли наркотиками, которая проникает в экономику, общества и государства всего мира, и т.д. Сетевые структуры гасят социальную и политическую активность личности, полагает Кастельс, возникает биполярный мир, в котором возрастает дистанция между глобализацией и личностью, сетевым миром и отдельным человеком. Уже сейчас различимы симптомы кризиса, в котором находятся установленные модели идентичности, а также поиски новых моделей, призванных защитить личность и ее культуру от давления аппаратов и рынков – вот что приходит на смену идее классовой борьбы¹.

Именно через сетевые структуры, анонимные и отчужденные от человека, глобализация предъявляет свои вызовы, которые требуют решения таких острых проблем, как остающаяся актуальной необходимость уменьшения угрозы мировой ядерной войны; глубокие противоречия между характером сложившейся цивилизации и природой; тотальная дегуманизация общества и личности; усиливающееся социально-экономическое расслоение населения планеты; возрастающие масштабы манипулирования общественным мнением с помощью всепроникающих средств массовой информации; коммерциализация и унификация культуры, что ведет к обеднению духовного мира людей; международный терроризм; межнациональные и межконфессиональные противоречия; переустройство международных отношений в целом и становление нового миропорядка, основанного на сетевых взаимодействиях.

Транслируя свои вызовы через сетевые каналы, глобализация запирает последние для ответов на них со стороны обществ и государств, в которых преобладают идентичности, складывавшиеся на традиционных формах человеческого бытия и чуждые сетевому миру. Она ставит под сомнение самую возможность построения идентичности, адекватной се-

¹ *Castells M.* La era de la información: economía, sociedad y cultura. Vol. 1. La Sociedad Red. Madrid, 2001. P. 53.

тевому обществу, что связано с систематическим разобщением понятий местного и глобального для отдельного человека и социальных групп. В новых условиях гражданские общества размываются и дробятся на разнородные идентичности, поскольку исчезает неразрывность связи между логикой власти в условиях глобального сетевого мира и логикой формирования и влияния специфических обществ и культур. Социальное действие сосредотачивается на противостоянии неидентифицированных влияний и обособленных идентичностей. В современную эпоху, характеризующуюся широкой деструктуризацией общественных организаций, делегитимацией политических учреждений, исчезновением прежних социальных движений и самобытных культур, поиск идентичности становится равнозначным поиску смыслов и путей создания новых социальных структур¹.

Способна ли современная Россия занять достойное место в процессах глобализации, играть в них самостоятельную роль? Это, в конечном счете, зависит от того, смогут ли интеллектуальные, политические элиты страны выработать адекватную глобальным вызовам идеологию, выражающую коренные интересы российского общества и государства. Но к решению данного вопроса не стоит и подступаться, не уяснив суть другого, более сложного вопроса – о самоидентификации. Кто мы? Откуда мы? Куда идем? Вот главные загадки, на которые он распадается. Всякая попытка, минуя их, строить сценарии будущего России теоретически и практически бесплодна. Как и отдельный человек, страдающий амнезией, общество, утрачивающее историческую идентичность, становится беспомощной жертвой окружающего мира, жестокого и опасного. Уместно сослаться на А. Тойнби, который отмечал, что по мере развертывания процесса решения формулы «Вызовы – Ответы», наблюдается тенденция к смещению действия из области внешнего окружения в область внутреннюю. Иными словами, «критерий роста – это прогрессивное движение в направлении самоопределения»².

Взаимодействие глобализации с теми общественными процессами, которые предшествуют ей или совпадают с ней по времени, сопровождается дестабилизацией и нередко распадом прежних человеческих общностей, способных оснастить индивида устойчивым набором норм, ценностей, мотивов, определяющих его отношение к социуму и тем самым – композицию его идентичности. Глобализация меняет положение

¹ См.: *Castells M.* Op. cit.

² *Тойнби А.* Постигание истории. М., 2003. С. 258.

человека в обществе. Английский социолог Б. Уилсон видит главное ее последствие в замене непосредственных связей между людьми, замыкавшихся главным образом в рамках локальных сообществ, безличными и функциональными, которые разрушают механизм передачи от поколения к поколению высших моральных ценностей. В своем поведении люди руководствуются уже не этими ценностями, а лишь теми непосредственно практическими функциональными задачами, которые ставит перед ними сиюминутная ситуация¹. Глобализация приводит к тому, что макро-социальные отношения людей выходят за рамки национально-государственного пространства, в котором замыкались его связи с обществом, приобретает транснациональный характер, подтачивает эту идентификацию. Как отмечает У. Бек, вместе с глобализацией рушится структура основных принципов, на которых организовывались и жили общества и государства, представляя собой территориальные, отграниченные друг от друга единства. В результате «образуются новые силовые и конкурентные соотношения, конфликты и пересечения между национально-государственными единствами и акторами, с одной стороны, и транснациональными акторами, идентичностями, социальными пространствами, ситуациями и процессами – с другой»².

Все эти последствия глобализации наслонились на катастрофические для российского общества процессы распада прежних систем социального устройства, государственности, идеологии, нравственности, содействуя разрастанию возникшего на их месте хаоса. Старое мало чем стало отличаться от нового, а последнее от первого. Кризис идентификации стал всеобщим. Вещи и поныне зачастую выступают под чужими именами. Имитации берут на себя роль оригиналов. В политике ложь редко можно отличить от правды. Мнимые перемены обретают такую же общественную значимость, как реальные. Симулякр стал привычной формой социополитических явлений. Это естественно для ситуации радикальной трансформации общества, когда характер текущих изменений приобретает кризисность, бифуркационность, поток событий прерывается внезапными катаклизмами, когда ломаются привычные уклады жизни – все то, что происходит в России. Такую ситуацию демонстрируют «реформы», которые дают результаты, обратные задуманным: бизнес, который не бизнес, а сплошной криминал; «выборы» без свободы выбора, замещаемой административным

¹ Wilson B. Morality in the evolution of the modern social system // The British Journal of Sociology. 1985. № 36(3). P. 315–332.

² Бек У. Что такое глобализация. М., 2001. С. 45.

ресурсом и пиаровским надувательством избирателей; послушную власти «оппозицию»; «либералы», неотличимые по сути от большевиков; «коммунисты», исповедующие евангелистские заповеди; «политические партии», которые трудно отнести к сути этого явления; «праздники народного единения», которые обращаются в манифестации национальной вражды и т.д., и т.п.

При каком строе мы живем? Вопрос не праздный. Для общества, многие десятилетия жившего в социально разделенном мире, исключительно важен этот вопрос. Вышли из «социализма»? Тянемся к «капитализму»? Нужна понятнейшая определенность, нам надо знать, как называется социальное устройство, в коем мы обретаемся. Нам требуются социальные ориентиры. В духовной жизни общества обнаруживаются симптомы, напоминающие рассеянный склероз, когда оно их утрачивает. Социум («человеки» – по А.А. Зиновьеву) теряется в окружающем мире, не знает, чего, собственно, хочет.

Еще один вопрос: а был ли у нас построен социализм? Есть несколько идеологически мотивированных версий ответа. Одна – не был. Другая – был, но не тот, каким бы ему пристало быть. Третья, характерная для отечественного антикоммунизма, – не важно, был или не был, главное в том, что в результате революции Россия утратила свой многовековой распорядок бытия, «выпала из истории».

Не станем умножать смыслы. Тот социализм, который на его закате называли «реальным» (преследуя, понятно, апологетические цели, чем можно пренебречь в завязывающемся здесь контексте), и **был реальным**. Во всяком случае, другого, принципиально отличного от капитализма строя, реализованного на практике в столь широких масштабах и столь глубоко изменившего не только российское общество, но и весь миропорядок, история не знает. Из этого, думается, и следует исходить, пытаясь осмыслить нынешние социополитические метаморфозы в России. Иначе они обращаются в зазеркальные действия, передающие некие симулякры модерности из ниоткуда в никуда, из «несоциализма» в «некапитализм» в ходкой ныне среди некоторых теоретиков трактовке переходных процессов.

Социализм стал реальностью. Разумеется, не как выношенный благодетелями человечества идеал, а как новая действительность, даже более чуждая этому идеалу, чем прежним порядкам. Но революции XX века идеологически пластичны. Идеал без особых трудностей осваивается изменившейся реальностью. Он обслуживает идейных ренегатов, новую политическую элиту. Он сакрализует постреволюционную власть,

оформляет для нее идеократические институты контроля над населением. Конституируются партия-государство, Советы, номенклатура, ГУЛАГ и прочие образующие реального социализма.

Возник ли на их месте новый строй, который можно было бы охарактеризовать не только симулякрами? Те реалии, которые называют «номенклатурным», «криминальным», «диким», «ублюдочным», «ущербным» и т.п. «капитализмами», – всего лишь отдельные черты социальной данности, каждая из которых и все в совокупности никак не могут характеризовать ее в целом. Стала ли социально легитимной реальностью в России частная собственность? Бессмысленно об этом рассуждать, если в любой момент сановный бюрократ или прокурор может отменить результаты приватизации. Сложилась ли национальная буржуазия и другие классы «нормального» капиталистического общества? Нельзя же такими считать российских олигархов, представляемых в виде «наших рокфеллеров», или лоточников, выдаваемых за «средний класс», не говоря уж о повсеместно деклассированных рабочих, крестьянах, интеллигенции.

Вписалось ли новое социообразование в мировую систему капитализма? Да, но на ролях сырьевого, геополитического и, пожалуй, социального резерва, годного для потребления. Для российского капитализма иные роли оказались недоступными. Описанные выше сетевые структуры глобализации проницаемы для него лишь в местах, отведенных для прислуги. Причем и на государственном (история вступления России в ВТО), и на частном уровнях (попытки российских олигархов выйти на контролирующие позиции в транснациональных отраслевых монополиях – металл, нефть. Не пускают).

Нынешняя российская действительность – даже в симулякрах, разумеется, корректно трактуемых, – дает ясные ответы на означенные вопросы. **Реальный социализм** стал первой ступенью **мнимого капитализма**. Что это такое? Тоже реальность, но возникшая в виртуальном облике. Нечто составленное из мутирующих останков советского строя; химерических реформ; ставших обыденными финансовых афер и казнокрадства; анекдотов о «новых русских»; мафиозных разборок (в коридорах высшей власти или на воровских сходках, не суть важно); либеральных иллюзий интеллигентов и прочих атрибутов становления «другого» мира, опрокидывающего привычные социальные стереотипы, как бы потустороннего. Духовная составляющая этой реальности – массовое одурение граждан, утративших вдруг жизненные ориентиры.

Речь идет не просто об одном из абсурдов жизни российского общества. Перед нами существенный феномен, уже давно ставший объектом серьезных исследований политической социологии. Известный политолог М.В. Ильин определяет этот феномен как «остентативность» (от англ. ostentation – «показушность», в несколько вольном переводе), которая в нескончаемо «перестраивающемся» обществе становится «в полном смысле образом жизни и способом выживания». Причем отдельные институты функционируют «как если бы они были иными». Без такого «притворства» и «оборотничества», пишет ученый, невозможно развитие. «При этом то, что внешне выглядит как вульгарный обман и самообман («потемкинские деревни»), на практике поддается рационализации и превращается в основу особого способа существования»¹. Призрачно зыбкие, непрерывно меняющиеся – спонтанно или под действием реформ – реальности постсоветского пространства труднодоступны для корректно обоснованных концептуальных подходов, равно как и для продуктивных поисков убедительных моделей. Всякая схема неизбежно исказит происходящие перемены.

Таков в самом общем виде ситуативный контекст, характеристика которого – пусть и такая приблизительная – необходима в подходе к поставленным проблемам. Россия вновь переживает смутное время, кульминация которого, по мнению некоторых историков, еще впереди². Современная российская действительность представляется имитацией конструкторов модерна, лишенных глубокого содержания. Политическая активность то и дело напоминает театр абсурда, в обществе не ощущается смена парадигмы социального бытия. Разумеется, изворотливая мысль привластного идеолога способна организовать хаос в некий виртуальный порядок, каковой, однако, представит собой лишь иллюзорный сколок действительности. Что же касается попыток правящей элиты упорядочить ситуацию путем «вертикализации власти» и иных авторитаристских способов управления, то они могут быть достаточно эффективны только в том случае, если синтезируются в определенную систему политических институтов. Такая возможность обозначилась вполне отчетливо, но перспективы ее реализации теряются в том, что стали называть «управляемым хаосом».

¹ Ильин М.В. Очерки хронополитической типологии. М., 1995. С. 64.

² См.: Соловей В.Д. Русская история: новое прочтение. М., 2005; Карацуба И., Курукин И., Соколов Н. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от юриковичей до олигархов. М., 2005.

Чтобы не увязнуть в социологических метафорах, попытаемся девиртуализировать миф о постсоветском капитализме. Что бы ни говорили иные теоретики, мы живем – и еще долго будем жить – в произведенном социализмом обществе. Это разлагающийся социум с элементами зависимого капитализма преимущественно криминального происхождения – социальное состояние, способное при соответствующих внутренних и внешних воздействиях продолжать неопределенно долго и сегментарно деградировать, как показывают некоторые постсоветские регионы, даже в докапиталистические общественные структуры. Возникшие по далекой от классической формуле «власть-деньги-власть» субстраты собственности несли в себе крайне слабое системосозидающее начало. Формируясь на основе расхищения общественного богатства, они разоряли народное хозяйство и порождали социополитический хаос. Кто в бизнесе и политике сейчас преуспевает? Социально успокоены лишь те регионы, где бизнес и местная власть сохранили или реставрировали советские структуры социальной поддержки населения. Какая из политических партий обладает реальным влиянием? «Единая Россия». Почему? Потому, что ей удалось клонироваться от КПСС. Если единороссы будут, как говаривали когда-то, «творчески» применять «ленинские принципы» партийного строительства, быть им на долгие годы «партией власти».

Основой становления российского капитализма являются экономические реформы. Реальность происшедших в этой сфере трансформаций неоспорима. По оценке академика Д.С. Львова, теперь господствующие высоты в экономике занимают предприятия частного или корпоративного бизнеса. По численности занятых и по объемам инвестиций в основной капитал на долю этих предприятий приходится, соответственно, 63% и 76%. В стране осуществлены полномасштабные реформы банковской, бюджетной, налоговой, административно-управленческой систем. Сегодня Россия по накопленным золотовалютным запасам занимает одно из ведущих мест в мире. На протяжении последних лет страна заканчивает бюджетный год с высоким профицитом. Созданы весомые предпосылки для развития предпринимательства и частной инициативы. Существенно изменилась и социальная структура общества – появился влиятельный слой новых собственников.

Но стоит перевести разговор из институциональной плоскости в плоскость содержательного анализа, как тут же оказывается, что нынешняя экономика России уступает своему дореформенному аналогу: по темпам экономического роста, качеству отраслевой структуры, эффективности используемого производственного аппарата страны, уровню

заработной платы, дифференциации доходов населения, эффективности и качеству государственного управления, уровню социально-политической стабильности, зато многократно превосходит по масштабам криминализации и коррупции в экономике и во всей общественной жизни.

Самые тяжелые последствия либеральные реформы имели для социальной сферы. Как показывают исследования Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, на долю 15% населения России приходится около 85% всех сбережений, 57% денежных доходов, 92% доходов от собственности и 96% всех средств, расходуемых на покупку иностранной валюты. Столь глубокого социального расслоения не знала ни одна из современных стран мира. Положение усугубляется еще и тем, что наряду с подушевой дифференциацией произошло не менее глубокое социальное расслоение экономического пространства России. Сегодня разрыв между наиболее и наименее экономически обеспеченными регионами страны по показателю подушевого регионального продукта составляет 60-кратную величину, по объему инвестиций на душу населения – 150 раз; уровню потребления – 30 раз; уровню безработицы – 24 раза и т.д. Как эти перемены отразились на бытийном самосознании общества, на миро- и времяощущении человека?

Заключая коллективную монографию о месте России в глобализирующемся мире, Д.С. Львов пишет: «В последние годы мы теряем себя, осмысленный образ своего прошлого, настоящего и будущего, и уже давно пришла пора говорить о реалистических целях, способных объединить Россию, вдохнуть в ее народ ту энергию, которая необходима для выхода из смутного времени. При этом неизбежен разговор о перспективах, может быть и не самых близких. Он не менее важен, чем обсуждение конкретных действий сегодняшнего дня: выход из смутного времени невозможен без такого разговора»¹.

Поиск перспектив надо начинать с исторического прошлого России, когда тысячелетиями формировались ее судьба, укорененные в обществе тенденции и направления ее развития, а не со вчерашнего дня постсоветских реформ, уводящих перспективы страны к Португалии 1980-х годов, беднейшего западноевропейского государства того времени, или – в более широком плане – к давно изжившей себя либеральной

¹ Россия в глобализирующемся мире. Политико-экономические очерки. М., 2004. С. 724.

модели капитализма, сами западные идеологи которого ныне озабочены поисками принципиально новой модели¹.

Необходимо преодолеть разорванность исторического сознания, вызванного в российском обществе доморощенной идеологией антикоммунизма, адепты которой с упоением клянут и очерняют советское прошлое, которое, собственно, их и породило. Как решается ими проблема идентификации советского общества? Ключ к данному вопросу содержит жаргонный концепт антисоветизма – «совок», – который стал в 1990-е годы заметным элементом массового сознания. Он снимает задачу поиска смыслов. Одним лексическим плевком обозначается все советское. Это и советский человек – существо убогое, безродное, раболепное. Это и само общество, которое и не общество в «цивилизованном» понимании, а так, внесоциальное «быдло». Это и образ жизни, унижительный для человека. Это и государство – уродливый продукт «единства партии и народа». Словом, нечто маразматическое, обреченное на жалкую участь.

Этот идеологический вирус, размноженный СМИ, потоком публицистических и околonaучных публикаций, исковеркал общественное сознание. У российских граждан возник устойчивый комплекс неполноценности, что было констатировано и многими зарубежными аналитиками. К примеру, на конференции в Вашингтоне в 1999 г. «Фонда Карнеги за международный мир» отмечалось: «Россия лишилась ощущения своей идентичности и цели существования. Она более не является носителем великой идеи или воплотителем великого проекта (каким было строительство социализма). Мало того, страна оказалась в унижительной зависимости от Запада: в ближайшем будущем ей понадобятся его кредиты, чтобы обслуживать государственный долг, а в более длительной перспективе – технология и капиталы, чтобы модернизировать экономику»². То же самое утверждает спустя несколько лет «Вашингтон Пост»: «Лишенные национальной гордости и своих жизненных убеждений, россияне расценили закат советской эпохи как конец империи и конец национального самосознания»³.

В советском прошлом наш человек понимался как выражение универсальной сущности социального бытия народов, в чем усматривал-

¹ См., например: *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003.

² НГ–сценарии. 1999. 8 декабря.

³ The Washington Post. 2006. February 26.

ся исток его всемирного влияния. «Советский человек – властитель дум современного человечества», – писал Г.Л. Смирнов, наделяя его образ такими свойствами, как социалистическая направленность мысли и действия, коллективизм, братство, интернационализм, высочайшая нравственность. Соответственно, советский народ представлялся в качестве знаменосца, ведущего человечество к всеобщему счастью, а советское государство – как орудие осуществления этой всемирно-исторической миссии¹. Очевидно, что эти идентификации без труда, самым естественным образом коррелируются с мессианистскими определениями имперских времен: русские – народ-богоносец, российское государство – Третий Рим. Тем легче большевикам было переориентировать сознание и психологию общества в постмонархической России на свои идеологические догмы и символы, превратить их в органические компоненты советской идентичности. И тем трудней для постсоветского режима оказалось привить обществу либеральную идеологию, совершенно чуждую историческим традициям России.

Государственная идеология нежизнеспособна, если она не базируется на базовых ценностях, отторгается обществом, если хотя бы не отражает их. Но сохраняются ли и в какой мере советские ценности в сознании, психологии постсоветского человека? Приведем некоторые результаты репрезентативных опросов населения РФ. Весьма показательны, например, данные об идеологических предпочтениях россиян, полученные в ходе крупномасштабного всероссийского исследования «Русская самоидентичность и новые ценности»². 73,3% опрошенных не согласны с утверждением, будто «во всей 70-летней истории СССР найдется мало того, чем можно гордиться», для 64,8% было характерно ощущение причастности к большой общности, идентичности с великим народом. Весьма показательны и проводившиеся ВЦИОМ в 1989, 1994, 1999 и 2003 гг. по общероссийской выборке опросы по программе «Советский человек». Социолог Ю.А. Левада, обобщая данные этих опросов, констатировал, что изменения последних лет «на массовом уровне не привели к принципиальным переменам в представлениях людей о ценностном нормативном строе социальной жизни». Исследователи рассматривают «сформированный прошлой эпохой феномен в меняющихся общественных условиях как лабильный, адаптирующийся и благодаря это-

¹ См.: Смирнов Г.Л. Советский человек. М., 1971.

² См.: Вестник Российской академии наук. 1999. № 4, 8.

му в высшей степени устойчивый. Поэтому мы можем сейчас говорить о судьбе характеристик «человека советского» в постсоветских условиях»¹.

Эти и другие исследования показывают, что большинство российских граждан живет не в соответствии с навязываемыми новым социальным порядком, электронными и прочими СМИ нормами, а в том ментальном, нравственном пространстве, которое они продолжают воспроизводить согласно нормативно-ценностным представлениям, сложившимся в обществе до постсоветских перемен.

Другие данные показывают, что искусственное внедрение в массовое сознание россиян принципов западных форм собственности, демократии и морали малоэффективно. Над их сознанием по-прежнему довлечет идея общественной собственности на средства производства. По мнению большинства опрошенных, в системе материального производства, финансовых и интеллектуальных услуг должна доминировать такая собственность, вне которой немыслима социальная справедливость. Для них право само по себе не является гарантом цивилизованных отношений в сфере частной собственности, поскольку соблюдение законов лишено государственной гарантии. Даже А. Чубайс, нарицательный персонаж российского капитализма, в программном роде лекции, прочитанной в Санкт-Петербургском инженерно-экономическом университете и названной «Миссия России в XXI веке», заявил: «Без всякого сомнения, в России «делать деньги» никогда не станет национальной идеей, а менталитет русского предпринимателя никогда не будет американским. Поиск правды, истины, справедливости для России и русского народа всегда стоит выше первичных материальных импульсов человека»².

Пришло ли время отрезвления? Настала ли пора восстанавливать связь времен? Как сказать. Независимой, идеологически неангажированной мысли все еще малодоступны сферы реального влияния на массовое сознание. Прошлое востребовано. Кем? Новыми идеологами. Для чего? Для того чтобы добиться определенных политических целей. Деятели самых разных политических пристрастий навязывают России, к примеру, имперскую идентификацию: национал-патриот А. Проханов («пятая империя»), либерал-реформатор А. Чубайс («либеральная империя»), неodemократ М. Касьянов («империя свободы»). «Примеров апелляции к постимперской ностальгии в современной России не счесть», – замечает

¹ Левада Ю.А. Человек советский: четвертая волна. Время перемен глазами общественного мнения // Вестник общественного мнения. 2003. № 1(67). Сентябрь–октябрь. С. 8.

² Чубайс А. Миссия России в XXI веке. М., 2003. С. 24.

Е. Гайдар, концепция империи – «продукт, продать который так же легко, как кока-колу или памперсы. Чтобы рекламировать его, интеллектуальные усилия не требуются». Толку от этого, по мнению идеолога российского неолиберализма, все равно никакого: «Сказать: «восстановление империи – благо для народа» – не трудно. Этот лозунг обречен на популярность. Но реальность в том, что возродить империю невозможно»¹.

С этим выводом трудно не согласиться. Постимперский синдром интересен другим. Он подает сигнал: идеология снова актуальна. Замглавы администрации президента РФ Владислав Сурков призвал как можно скорее выработать государственную идеологию, заявив на встрече политологов «Суверенное государство в условиях глобализации: демократия и национальная идентичность»: «Если мы не создадим свою публичную идеологию, приемлемую для большинства граждан, то с нами не будут считаться. Зачем говорить с немymi»².

А. Чубайс предлагает озвучить Россию посредством идеологии неолиберализма, основанной на триединстве прошлого, настоящего и будущего страны, увязанным по принципу «преемственного отрицания». Связь времен сохраняется, но только через те традиции, которые отвечают потребностям развития свободного рынка. Советский период не отрицается, так как представляет империю «беспрецедентного масштаба, над которой действительно никогда не заходило солнце»³. Но это, по Чубайсу, тупиковый период, который не вписывается в настоящее и тем более в будущее России; СССР был основан на ложных ценностях и потому остался мертвым звеном в цепи исторических событий. Знаменосцем «либеральной империи» призван стать частный бизнес – единственная сила, способная адаптироваться к условиям глобализации и вернуть России былые мощь и величие⁴.

Прогноз крайне сомнительный. Российская экономика, разрушенная «либеральными» реформами, производит менее 3% мирового ВВП, а влияние российского бизнеса надежно блокируется международными корпорациями. Едва ли это положение изменится в обозримом будущем. Хотя бы поэтому пропагандировать идею «либеральной империи» попросту нелепо, не говоря уже о том, что такая империя – Соединенные Штаты Америки – уже давно оседлала процесс глобализации и

¹ Гайдар Е.Т. Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006. С. 69.

² Российская газета. 2006. 31 августа.

³ Чубайс А. Указ. соч. С. 22.

⁴ Там же. С. 26–27.

насаждает «либеральные ценности» повсюду в мире, включая Россию. Реализация либерально-имперского проекта превратила бы страну в одну из неокOLONиальных окраин этой империи.

Другой сторонник либеральной идеологии – Г. Явлинский, также озабоченный перспективами России в глобализирующемся мире, предлагает более умеренный, но столь же безапелляционный проект. По его мнению, для страны, «оттесненной на глубокую периферию современного глобального капитализма», возможны только два пути: «европейский выбор», либо поиск более удобного места на самой этой периферии. «Можно приводить аргументы в пользу того или другого варианта, но очевидным должно быть одно: никакого «третьего», «евроазиатского», какого угодно «своего» пути нет и не будет». Предпочтителен, конечно, «европейский выбор», который, однако, как и второй, сопряжен с определенной утратой суверенитета, чего бояться не следует. «Страх поступиться частью собственного суверенитета как аргумент против «европейского» или «евро-атлантического» пути для России понятен и даже отчасти обоснован. Но единственная альтернатива – место на периферии мировых процессов. Она также неизбежно связана с ограничением государственного суверенитета – не обязательно формальным, но, по существу, еще более значительным, поскольку суверенитет и независимость имеют смысл только в той степени, в какой имеются практические возможности их реализации»¹.

Если либерал, как «гражданин глобального мира», вообще не склонен придавать особое значение национально-этнической идентификации России, то для националиста этот фактор имеет решающее значение. Однако для него, как и для либерала, ненавистен советский строй, разлагавший своим интернационализмом русский этнос. Неприемлем и нынешний «россианский» режим, который неизбежно рухнет, когда «его антирусская сущность станет окончательно всем ясна, а ценности национализма приживутся в массах, перейдут из разряда инстинкта и эмоций в разряд само собой разумеющихся идеологем»². Какие еще перспективы видятся автору этих строк А. Севастьянову? «Преумножение» удельного веса русских в составе населения страны при решении «не менее важной задачи – сохранении высокой степени биологической однородности русской нации»; создание русского национального государства; преодоление

¹ Явлинский Г. Перспективы России. М., 2006. С. 66, 124–125.

² Севастьянов А.Н. «Россия – для русских!». Третья сила: русский национализм на авансцене истории. М., 2006. С. 23.

«любого глобалистского соблазна, неважно от кого он исходит, от внешнего или внутреннего врага»¹.

Какое будущее реально сулит России этот проект? Самое мрачное: взрыв национализма малых наций, регионального сепаратизма и в конечном счете развал Российской Федерации. «Россия для русских» в лучшем случае окажется аморфным государственным образованием в границах Московского княжества, не исключено, что под управлением «кинородцев». Утешает утопизм проекта: его реализация немислима в стране, где веками тесно сожительствовали на одной территории сотни этносов с дисперсно рассеянной государствообразующей русской нацией, чуждой этническому национализму.

Тем не менее влияние национализма на общественное сознание и политическую ситуацию в стране очевидно. Налицо рост ксенофобии, межэтнической вражды, национальной нетерпимости. Снова будируется «русский вопрос», который как таковой коренится, строго говоря, не в России, а в западных мифологемах о «русской загадке», каковую рационально разгадать невозможно, поскольку, как давно сказано поэтом, «умом Россию не понять». Вопрос, однако, неустраним из дискуссий об идентификации и перспективах России. «Можно сказать, что русский вопрос сегодня – самоочевидная неочевидность, – пишут С.И. Васильцов и С.П. Обухов. – Несомненно, он существует, напоминая о себе практически во всех сферах жизни. Однако не менее ясно и другое: в обществе нет четкого понимания того, в чем он состоит и каковы пути его решения»². И далее подчеркивают: «...та политическая сила, которой удастся идентифицировать себя в глазах русских с русским же началом, будет доминировать в отечественной политике не годы и десятилетия, а века. Русский плацдарм в политике свободен, и борьба за него – острая и жесткая борьба – впереди...»³.

Один из тех, кто подвизается на этом плацдарме, И.Б. Чубайс, принципиальный противник неолиберализма родного брата А.Б. Чубайса, тем не менее сходится с последним (разумеется, по иным мотивам) в отрицании советского периода российской истории как закономерного этапа развития России. В своей книге под характерным названием «Разгаданная Россия (что же будет с Родиной и нами)» он с позиций патриотизма («иммунной системы общества») обосновывает идею о том, что

¹ Севастьянов А.Н. Указ. Соч. С. 246, 367–383, 507.

² Васильцов С.И., Обухов С.П. Русский вопрос России. М., 2006. С. 4.

³ Там же. С. 11.

историческая Россия выстраивалась на системе ценностей, включавшей «три фундаментальных начала» – православие, соби́рание земель и общинный коллективизм, составляющих суть «русской идеи». Революционные события 1917 г. означали разрыв России с собственными корнями, который вызвал глубочайший раскол общества, на чем, собственно, и завершилась российская история, возродить которую – задача нынешних русских патриотов¹.

Как трактует затронутые вопросы научная мысль России? Сошлемся на авторитетное мнение социолога Л.М. Дробижевой. Отмечая, что «позитивные объединяющие общероссийские ценности еще предстоит утверждать», она пишет: «когнитивное наполнение российской идентичности в чем-то совпадает, а в чем-то не совпадает с этнической. Этническая идентичность в основном базируется на языке, культуре, национальности родителей, историческом прошлом, территории. Российская идентичность – на месте в мире, геополитическом пространстве, цивилизационном развитии, на представлениях о ресурсах страны, достижениях в культуре, исторической общности. Она более динамична, чем этническая, выбор которой совсем не исключает российской идентичности... Для того чтобы произошло совмещение государственной и этнической идентичности, государство должно выстроить систему отношений, основанную на взаимопонимании. В стране, где русские составляют доминирующее большинство, государственная идентичность не может не базироваться на этнической идентичности большинства. Но именно поэтому, чтобы общероссийская идентичность стала привлекательной для других народов России, ее ценности, символы, представления, ассоциирующиеся с российскостью, должны соответствовать также и их интересам и ценностям»².

На наш взгляд, автор демонстрирует объективный подход к проблеме, к сожалению, не общепринятый среди отечественных обществоведов. Идеология снова вторглась в научное знание на этом проблемном поле. Профессор В.И. Михайленко, статья которого помещена в том же сборнике, откуда взята предыдущая цитата, пишет: «Сойдя с либеральных рельсов, Россия утратила стратегическую инициативу. Комплекс идей, предлагаемых современной правящей элитой и для современной

¹ См.: Чубайс И.Б. Разгаданная Россия (что же будет с родиной и нами). 2-е изд. М., 2005.

² Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С. 28–29.

правлящей элиты, черпает свои ресурсы в феодально-имперско-советском прошлом. Одно дело использовать историческую мифологию для развития исторического самосознания народа и обоснования исторической общности. И совсем иное дело опираться на архаичные идеи, итогом реализации которых станет «откат» к социализму, политическому, экономическому и духовному порядку прошлого»¹.

Не вступая в дискуссию с автором по затронутым им вопросам, обратим внимание его единомышленников лишь на одно: есть ли у них основания считать либеральными те реформы, которые были проведены в 1990-е годы? Ведь, кроме названия, эти реформы ничего общего не имеют с гуманистическими принципами и западного, и дореволюционного российского либерализма. А вот с левым большевизмом – по экстремизму, жестокости, авантюризму – сходство очевидное. Россия, если и пыталась переходить на «либеральные рельсы», то разве что в ходе реформ 60-х годов XIX века и Февральской революции XX века. Антисоветский переворот начала 1990-х годов и последовавшие реформы нелепо называть «либеральным», если, разумеется, не считать либеральными последствия: всестороннюю деградацию общества, системный кризис и т.п. Еще одно последствие – отторжение народом навязываемых ему ценностей якобы либеральной демократии – поставило крест на либеральной идеологии. Председатель Конституционного суда РФ В.Д. Зорькин, верховный хранитель демократических прав и свобод в России, выступая в августе 2006 г. на «круглом столе» «Суверенное государство в условиях глобализации», заявил: «Священное слово «демократия» можно извратить до такой степени, что в народе его будут употреблять не иначе как «дерьмократия». Но народный язык, язык улицы не возникает на пустом месте. Чтобы до такой степени произошло лингвистическое превращение, народ надо было очень сильно обидеть. Причем обидеть под флагом «демократии»! Надо было так исказить все смыслы социальной справедливости, надо было так утопить народ в коррупции и бандитизме. Надо было пойти на расстрел своего российского Парламента – символа демократии. Все это и многое другое вызвало у народа такую ненависть к этому изначально чистому понятию. И теперь потребуется много труда, чтобы вновь вернуть словосочетанию «демократия в России» его достойное место»².

¹ Михайленко В.И. Россия – не СССР: о ценностных основах консолидации российского общества // Там же. С. 298.

² Российская газета. 2006. 6 сентября.

Общественное сознание отражает социально-политическую ситуацию в стране: оно также охвачено хаосом, порожденным отлучением общества от исторического прошлого, прежде всего советского. «Либеральными» реформами в области образования обрекаются на историческое беспамятство молодые поколения. Американский публицист Д. Вестуотер констатирует: «Чиновники, возглавляющие систему образования, видимо, не беспокоятся, что ребята не знают истории своей страны. Из российской прессы я даже узнал, что последние реформы в этой области вообще должны свести на нет преподавание этого предмета. В результате такое некогда могучее государство, как Россия, распалось на сто с лишним империй карликов – по числу жителей. А ведь это грозит стране реальным распадом на отдельные княжества областного масштаба. Для меня остается загадкой, почему федеральная власть не предпринимает ничего для исправления этой ситуации»¹.

Здесь не место отвечать на этот вопрос. Мы лишь фиксируем известное явление. Оно, разумеется, возникло не случайно, а было целенаправленно подготовлено тем направлением отечественной идеологии либерализма, которое замкнулось на догмах антикоммунизма и в 90-е годы приобрело решающее влияние на политику возникшего тогда режима. Практически все недавние святыни прошлого были поруганы, отвергнуты, опознаны. Едва ли не единственной официально признанной оставалась Победа в Великой Отечественной войне. Но и она, по сути, сводилась к «непобеде» идеологами либерализма. В связи с ее 55-летием один из них Ю.Н. Афанасьев писал: «Победа в этой схватке любой из сторон – как Гитлера, так и Сталина – могла означать лишь торжество одного из тоталитарных режимов, а вовсе не триумф свободы и демократии»². Из подобного рода идей, размноженных школьными и вузовскими учебниками, средствами массовой информации, и складывается сознание постсоветского поколения российских граждан. Вот некоторые высказывания московских школьников из подборки опросов, опубликованной Л. Сараскиной в связи с 60-летием Победы СССР в Великой Отечественной войне. *«Зачем вообще нужна была победа в этой войне? – вступают в дискурс старшеклассники. – Если бы мы ее проиграли, рынок пришел бы к нам еще тогда, и мы давно уже были развитой европейской страной». «Если бы мы сразу сдались немцам, сохранились бы наши люди и наши города в целостности и сохранности, не было бы никакой разрухи».*

¹ Политический журнал. 2006. № 15. С. 96.

² Другая война. 1939–1945. М., 1996. С. 28.

«Зачем так называемые герои совершали так называемые подвиги? Все эти Зои Космодемьянские, все эти Александры Матросовы? Зачем партизаны вели себя так глупо и нецивилизованно? Они нарушали правила ведения войны». «Если Сталин и все руководство СССР были мерзавцами и негодяями, как сейчас все говорят, если Советский Союз был империей зла, отвратительной тоталитарной страной, зачем надо было за него и за его вождей воевать? Лозунг «За родину, за Сталина», с которым солдаты шли в бой, был ошибочным, преступным». «В ту войну русские солдаты защищали завоевания революции, которая теперь признана сбоем цивилизации. Так что же они защищали и зачем?».

Комментируя эти рассуждения, Л. Сараскина пишет: «Разорванность исторического сознания находится у нас на таком уровне недопустимости, который ведет к тяжелым, органическим деформациям настоящего. Налицо конфликт сразу нескольких поколений – деды, отцы, дети, внуки не имеют общего языка в вопросах добра и зла, веры и неверия, капитализма и социализма, глобализма и национализма, патриотизма и либерализма, Востока и Запада, частной собственности и классовой ненависти, политической корректности и социальной нетерпимости»¹.

Не вдаваясь в существо такого рода дискурсов, останемся в русле тех рассуждений, которые апеллируют все же не к идеологическим императивам или абстракциям морализирующей социологии, а к реальной действительности, к конкретному историческому опыту. Из такого подхода и соответствующих ему критериев, общепринятых в исторической науке, неизбежно следует аксиома: Россия обречена быть великой державой. Иного ей не дано. Она может сохранять свою идентичность, оставаться сама собой только в этом качестве и в этой роли. Другая – станет неРоссией. Это глубоко укоренено в народном сознании и, как отмечалось выше, отлито в свое время в идеологемы типа «народ-богоносец» или «первопроходец коммунизма». Как иронично заметил А.М. Салмин в своей посмертно изданной книге: «лишите Россию чувства оспариваемого первородства – и получите Бразилию без самбы или Пакистан без бомбы»².

Запад никогда не принимал и не принимает идентификацию России в качестве великой державы. Никакие уступки, капитуляции, компромиссы постсоветской власти не смогли изменить это отношение. «Карфаген должен быть разрушен» – неколебимый постулат западных единомышленников наших либералов. Американский политолог Збигнев Бжезинский определяет

¹ Литературная газета. 2005. 13–19 апреля.

² Салмин А.М. Шанский слон. М., 2006. С. 255.

Россию как «лишнюю страну», обреченную на развал. То же самое применительно к условиям своего времени предрекал полтора века назад маркиз де-Кюстин, один из невольных классиков русофобии. Путешествовавший по России французский аристократ резюмировал свои впечатления об «этой пустыне без покоя, этой тюрьме без отдыха, которая именуется Россией» в заключении: по мнению его «очень умных и наблюдательных» знакомцев, участь ее состоит в том, чтобы «завоевать Восток и затем распасться на части»¹.

Теперь, после всего того, что с нашей страной произошло в XX веке, думается, есть основания попытаться рационально прояснить, по крайней мере, смысл того, что можно было бы назвать усваивавшимися веками в сознании интеллектуальных элит Запада «синдромом неприятия» несуразного, по их убеждению, феномена России – гигантского геополитического «монстра», какового просто не способен принять, освоить существующий миропорядок, ибо она, Россия, никак не умещается в упорядочиваемый по западным стандартам мир, она – «лишняя». Такая идентификация современной России широко культивируется в бывших соцстранах Восточной Европы и в некоторых постсоветских государствах². У его адептов есть определенные исторические основания.

Россия – действительно уникальное государство, несопоставимое по влиянию на мировое развитие ни с одной из великих империй прошлого. Многие столетия геополитическое пространство Российской империи, затем СССР, с большим трудом встраивалось в существовавший миропорядок, неоднократно взламывая его взрывами сосредоточенной на этом пространстве колоссальной пассионарной энергии. Россия не позволила осуществить глобалистский наполеоновский проект. Она совершила всемирного значения революционный переворот в октябре 1917 г. Советский Союз сокрушил гитлеровских претендентов на глобальное господство. Затем СССР вынудил международное сообщество принять – как мировую систему – небывалую в истории форму социально-политического устройства общества. На закате второго тысячелетия он вновь круто изменил судьбы мира – на этот раз неожиданным для всех собственным развалом.

¹ Кюстин Астольф-де. Николаевская Россия. М., 1990. С. 147.

² Один пример: «Сегодняшняя Россия – это растущий монстр, какового мир в своей истории еще не видел. Этот монстр расправит плечи в 2008 г., после президентских выборов. И тогда мы увидим, какое чудовище выползает из ворот Кремля», – заявил в начале 2007 г. посол Эстонии в РФ Март Хельме. Цит. по: Известия. 2007. 31 января.

Именно Россия в решающей мере повлияла на формирование социально-политического контекста минувшего столетия. Можно сказать без особых оговорок: навязала этот контекст, чего не удалось сделать нацистской Германии, выступившей с собственным проектом преобразования мира. Оставляя в стороне мессианистские трактовки эпохальных событий XX века, нельзя не признать, опираясь исключительно на исторические факты, что революционный взрыв, потрясший мир в начале XX века, был вызван социальными процессами в России.

Крайне поверхностна и необъективна трактовка Октябрьской революции (ставшая едва ли не аксиоматичной в зарубежной и отечественной советологии) как материализации «марксистской утопии», насильственно навязанной большевиками России. А не верней ли интерпретировать российскую версию марксизма как воплощение революционной идеи, слившейся с массовым сознанием и обратившуюся в идею национальную? При всех известных негативных (и всячески демонизированных антикоммунистами) свойствах большевиков, они никогда не смогли бы добиться того, что совершили, если бы адекватно для своего времени не ответили на реальные потребности и чаяния народа, озвучив марксизм в понятные, ставшие для масс «своими», посулы и лозунги («Мир – народам!», «Земля – крестьянам!» и т.п.), если бы оперативно, зачастую противореча собственным догмам, по ходу развития революции идеологически и политически не приспособливались к особенностям, изменениям менталитета, социокультурного бытия многонационального населения страны. И в последующие годы коммунисты неизменно поддерживали в напряженном состоянии обратную идеологическую связь с массами через обслуживающий ее гигантский, изощренно развитой пропагандистский аппарат. В течение десятилетий коммунизм, внушенный массам, в сущности, выполнял роль и функции национальной идеи в обществе.

Конец известен: перерождение правящей элиты СССР в паразитический класс, утрата им способности аккумулировать настроения, материальные и духовные потребности масс и соответственно реагировать на них, формализация и бюрократизация идейных связей с «низами», омертвление идеологической общности с ними составили в совокупности один из основных (если не решающий) факторов крушения советской системы.

По разумению автора этих строк, своеобразие России по сравнению с Западной Европой и США – своеобразие существенное, во всяком случае, в контексте поставленных проблем, – состоит в том, что многие века основой ее политического порядка была самодержавная верховная

власть. Это такой тип государственности, благодаря которой она стала органической целостностью, а ее огромные пространства не фактором обособления отдельных регионов и дезинтеграции, а фундаментом усиления централизованного государства. Разнородные этнонациональные, конфессиональные, культурные и иные образования, нередко конфликтовавшие между собой, находившиеся на разных уровнях развития, ограниченные в возможностях общения с внешним миром, объективно нуждались в имперском патернализме. Централизованное государство служило объединяющим началом. В России не было каких-либо иных структур, способных обеспечить целостность и жизнеспособность складывавшейся общности. Развитие страны шло под всепроникающим воздействием государства. В стране не возникли какие-либо иные эффективные механизмы интеграции и институционализации общества. К государственной власти были привязаны и к ней апеллировали все сословия, социальные, этноконфессиональные группы. Она подавляла любые попытки автономизации формировавшихся институтов гражданского общества. Такое положение сделало государственнический склад ума россиян специфической особенностью их мировоззрения, идентичности, их самоидентификации как «государственных людей».

Этатистская ориентация осталась подкорковой доминантой политического сознания подавляющего большинства населения постсоветской России. По генетической ускоренности это сопоставимо с поведенческими инстинктами первобытного «дологического мышления». Распад СССР явился ударом не только по вековым государственническим устоям империи, но и по массовому сознанию, психологии жителей страны, стал основным конфликтогенным фактором. Заведомо бесперспективны всякие попытки решать любые общенациональные проблемы на постсоветском пространстве без учета роли этатистских традиций, вне участия государственной власти. Поэтому идея сильной государственности становится главной образующей национальной идеологии в России.

Революция 1917 г. стала не только формой разрешения социальных и политических противоречий, но и способом сохранения взаимодействия названных гетерогенных образований, формировавшегося в течение многих столетий на бескрайних пространствах Евразии. В отличие от западных стран, отсутствие здесь единой цивилизационной структуры гражданского общества, независимой от государства, явилось причиной того, что послереволюционная модернизация вылилась в России в катаклизмы, превосходящие по масштабам и интенсивности эксцессы других революций.

Большевизм явился единственной реальной политической силой, способной восстановить целостность державы и обеспечить ее мировое могущество, хотя и ценой, которая не поддается немистифицированному «классовым подходом» нравственному оправданию, и в формах, несовместимых с «абстрактным» гуманизмом. Новый строй разрешил фундаментальные противоречия, неподъемные для царской России, осуществил базисную модернизацию общества путем создания репрессивного режима, насильно унифицировавшего все стороны народной жизни, но оказавшегося в целом приемлемым для населения страны. Бюрократическое государство усмирило национализм и сепаратизм, соединило в наднациональное объединение – советский народ – людскую массу, расчлененную социальными, этническими, культурными, конфессиональными различиями, практически наглухо оградило его от зарубежных влияний.

Во времена тоталитаризма репрессии против отдельных народов, установка на упрощение национально-этнической структуры населения, искусственные препятствия на пути развития языков некоторых народов СССР и т.п. представляли собой систему мер, призванную подавить национальный фактор в той же мере, в какой подавлялись всякие проявления социальной и идеологической неоднородности, не соответствовавшие модели унитарного государства. С другой стороны, многонациональное государство и до, и после 1917 г. отнюдь не было «тюрьмой народов», а столетиями служило складыванию уникальной общности, объединяющей людей различных национальностей, этнических групп бесчисленными культурными и социально-экономическими связями. От его истории неотрывны десятилетия советской власти, вызвавшие радикальное преобразование традиционных укладов российской жизни и породившие новые традиции совместного бытия, противодействие которым может оказаться столь же пагубным для России, как и былой отказ от ее «предыстории» до октября 1917 г.

Возник тип социальности, принципиально отличный от западной, буржуазно-либеральной, и породивший систему интеграции общества, эффективно преодолевавшую – сперва насильственными, а затем преимущественно идеологическими способами – традиционные расколы и смуты. Начали складываться цивилизационные основы диффузионного устройства единого социокультурного и геоэкономического пространства, развивающегося в направлении глобального доминирования. Сложилась такая форма организации общества, которая давала мощные идеологические рычаги для его модернизации (индустриализация, коллективизация и пр.), что позволило в кратчайшие исторические сроки создать модель

военно-мобилизационной экономики и выдержать тяжелейшие испытания войны с нацистской Германией.

Победа антигитлеровской коалиции и антифашистская борьба народов оккупированных стран создали условия для глубокого исторического сдвига: на мировую политическую арену решительно вышли демократические силы с отчетливой либо скрытой социальной тенденцией и стали претендовать на роль самостоятельного фактора в национальной жизни многих стран. Демократия стала наполняться более богатым, чем в прошлом, содержанием. Неоспорим тот исторический факт, что разгром фашизма и вызванный этим подъем рабочего и демократического движений обеспечили предпосылки продвижения процессов демократизации к тому уровню, который достигнут западными странами к концу XX века. Еще одним исторического значения итогом победы над фашизмом явилось широкое развитие национально-освободительного движения, которое привело к развалу колониальных империй и возникновению десятков новых независимых государств. В результате этих сдвигов на мировой арене возникла принципиально новая историческая ситуация, развитие которой определялось противоборством двух социальных систем.

Нелепо считать падение советского строя результатом заговора горстки партначальников, изменивших делу своих отцов, или действиями «мировой закулисы». По последствиям (понятно, разнозначным) это событие сопоставимо с Октябрьской революцией и Победой в мае 1945 г., которые и дают подлинный масштаб его оценки. В таком масштабе кремлевские «реформаторы» постсоветской России – всего лишь статисты финала исторической драмы, развертывающейся с 1917 г. на мировой арене. Главные ее движущие силы – две противоположные системы общественного бытия народов. Итоги их борьбы были предрешены не в Кремле, Беловежской пуще или Вашингтоне, где зафиксировались условия закулисной сделки, а гораздо раньше – в глобальной битве двух социальных систем. Главный ее фронт пролегал через Россию, которая, как обоснованно констатировал тот же Зб. Бжезинский, «потерпела поражение в титанической борьбе».

Конечно, непосредственные причины распада советского строя коренятся в пороках самого этого строя, но таких пороках, которые были привиты, либо усилены противниками до уровня неодолимых разрушительных стихий. Так, вне этого воздействия присущий «реальному социализму» милитаризм не мог бы стать фактором, надорвавшим в процессе безумной гонки вооружений экономику страны, а советско-партийный бюрократизм не превратился бы в ходе «мирного соревнова-

ния» с капитализмом в силу, способную заменить социальные ориентации государства на капиталистические.

Свертывание «холодной войны» первоначально привело к стабилизации международной обстановки, снижению уровня вражды и ненависти в отношениях между народами, угасанию идеологической и политической войны на мировой арене. Но освободившиеся идеологические ниши не замедлили заполнить политически течения, проповедующие национализм, шовинизм, неонацизм и тому подобные формы идеологии, разобщающие людей. Распалось главное, системное противоречие, чреватое глобальной ядерной катастрофой – между социализмом и капитализмом. Но оно не просто исчезло, а расщепилось на множество несистемных, но зачастую более острых и трудно разрешаемых противоречий (между отдельными странами и регионами, этническими группами, конфессиональными общностями и т.д.), которые ранее подавлялись и сдерживались сверхдержавами и стоящими за ними международными военно-политическими, пропагандистскими и иными структурами в соответствующих сферах своего влияния.

Из категории немыслимого военная конфронтация вернулась в повседневную реальность, а применение силы превратилось в приемлемый, а с точки зрения руководителей США, НАТО и даже ООН (миротворческие акции) – в единственно эффективный метод поддержания международной стабильности. Поскольку грань между внутренними и межгосударственными конфликтами начала стираться, а гражданские войны – приобретать международный резонанс, на смену «холодной войне» пришла не гармония нового мирового порядка, а драматическая реальность необъявленных войн и карательных операций. Их жертвами все чаще становятся не только и не столько профессиональные военные, а во все более широких масштабах гражданское население, и завершаются они не мирными договорами, а временной приостановкой военных действий и изгнанием миллионов людей из родных городов и сел, обреченных на участь беженцев. В результате мир, едва освободившись от угрозы тотальной и потому почти невероятной третьей мировой войны, превратился в поле реальных сражений – многочисленных локальных войн, территориальных споров и межэтнических конфликтов. Новую международную угрозу для мира стал представлять международный терроризм – побочный (не прямой ли?) продукт глобализации.

Глобализация в целом исполнена противоречий. С одной стороны, она вызывает размывание национальных идентичностей, усиление прозрачности цивилизационных границ, формирование многочисленных

структур транснационального управления, которым государства делегируют часть своего суверенитета. С другой стороны, глобализация стимулирует процессы культурной и этнической самоидентификации, что явно проявляется на международном и национальном уровнях. В российских условиях это приводит к образованию различных корпоративных, региональных, этнических субкультур, в рамках которых перспектива политического развития России понимается по-разному. В такой ситуации возникает проблема конфронтации между политическими, социальными, этноконфессиональными группами. Решение этой проблемы предполагает выработку определенной результирующей линии политического самоопределения страны с учетом реально существующего в российском обществе многообразия экономических интересов, социокультурных и прочих ориентаций.

Воздействие глобализации на мир неотделимо от сопутствующих ей структурных процессов иного рода, порожденных кризисами XX века, включая цивилизационный, сменой технологической парадигмы мировой экономики. Все эти процессы действуют взаимосвязанно, их развитие и последствия переплетаются и сливаются, их перспективы остаются неопределенными, равно как и возможности возникновения политических альтернатив в рамках глобализации. Ось двухполюсного миропорядка распалась на хаотично пересекающиеся векторы противоречий глобального мира. На мировой арене также возник кризис идентификации новых явлений и процессов.¹

Глобализация не привела к становлению планетарной демократии. Более того, наиболее развитая ее форма – западная демократия – обратилась в инструмент политического и военного насилия. В развитых странах она служит бюрократии и корпорациям для подавления их социальной и политической инициативы, их потребности в самоидентификации и самоутверждении. Югославия, Ирак, Афганистан демонстрируют неспособность западной демократии решать политические проблемы мирными способами. К началу XXI века демократия исчерпала свой творческий и организационный ресурс, и в новообразованных государствах, включая Российскую Федерацию, оказалась фактически недееспособной.

На мировой арене происходит явное умаление авторитета и влияния универсальных политических форумов при одновременном усилении

¹ См.: Мировая политика: проблемы теоретической идентификации и современного развития. М., 2006.

роли более узких элитарных сообществ. Снизилось влияние ООН и ОБСЕ, которые оттесняются от реальной политики гораздо более иерархизированными и замкнутыми структурами НАТО. На месте двухполюсной системы международных отношений возникла пирамида, основанная на могуществе одного центра силы и единственной сверхдержавы в лице США. В геометрии этой пирамиды происходит расширение НАТО, что дает импульсы реанимации блоковой конфронтации. Данная тенденция глобализации означает формирование небывалой в истории военно-политической гегемонии одной державы.

Даже при относительно высокой степени упорядоченности распавшегося биполярного мира, он все же держался не на взаимном доверии, а на вынужденном страхе взаимодействия соперников, что выражалось в согласованных решениях проблем балансирования на грани войны. Альтернативные парадигмы, предполагавшие, что у человечества могут быть более значимые, более гуманные цели, чем поддержание межблокового баланса, гасились логикой противоборства. Они отвергались как наивные и утопические. Оказалось, что это было близко к истине. Партнеры по конфронтации восприняли проявление доброй воли СССР, затем России с торжествующим прагматизмом победителей – как свидетельство слабости, признания поражения в «холодной войне».

Сегодня геополитические и иные приобретения за счет сделанных из лучших побуждений уступок СССР и России закрепляются продвижением НАТО на Восток, милитаризацией на Балканах, Ближнем Востоке и в других регионах. Мир стал погружаться в хаос, наполненный старыми, известными, и новыми, непредсказуемыми, опасностями для народов. Ослабляется контроль над распространением оружия массового уничтожения, что показали испытания ядерного оружия в Северной Корее. Некоторые его виды становятся доступными для террористов.

Все это интернационализирует и заостряет проблему самоидентификации России. Необходимость ее решения актуализируют и попытки США развернуть широкий экспорт демократии в общества переходного типа, который воплощается в многочисленных актах явного и латентного давления на социально-экономические и политические процессы в посткоммунистических странах и государствах ближневосточного региона. Оно оказывается не только на граничащие с Россией постсоветские режимы, но и непосредственно на Россию, что, помимо прочего, резко поляризует российские элиты и дополнительно дестабилизирует политическую ситуацию в стране. Такую же роль играют последствия экономической и, прежде всего, финансовой глобализации, существенно усили-

вающие зависимость России от Запада и ограничивающие свободу ее политического самоопределения.

Как оценить в этой связи внешнеполитический курс на построение «энергетической сверхдержавы», основным геополитическим оружием которой станут полезные ископаемые? Если судить объективно, то не иначе, как иллюзорный. Такие стратегии делают экономику заложницей цен на энергоносители, а за страной закрепляют роль сырьевого придатка экономически развитых стран. Подобные перспективы сулит любой курс, так или иначе ставящий Россию в зависимость от интересов других центров международного влияния.

Российская Федерация по размерам своей территории, населения, экономического, научно-технического и военного потенциала, как великая евразийская держава, может стать одним из ведущих участников политически и культурно многомерного мира. Без России сегодня невозможно найти эффективного решения таких острых проблем современности, как усиление социальной дифференциации стран и народов мира; деградация природной среды, чреватая ростом крупных экологических катастроф; военно-политические конфликты; международный терроризм; неконтролируемое распространение оружия массового уничтожения; обострение проблемы энергетической безопасности и др.

В отличие от СССР, Россия не может претендовать на роль сверхдержавы. Однако многие ее интересы по-прежнему имеют глобальные измерения. Значение же интересов региональных, прежде всего на постсоветском пространстве, для России не только не падает, а, напротив, возрастает. Здесь перед ней стоят новые задачи, решение которых – неременная предпосылка присутствия в традиционном геоэкономическом пространстве, сохранения позиций мировой державы. Уникальное геополитическое положение России создает возможность выполнения ею роли стабилизатора культурно-цивилизационного равновесия между Востоком и Западом. Эта роль подкрепляется ее культурной традицией, соединившей три основные мировые конфессии – христианство, ислам и буддизм. История многократно подтверждала, что всякий раз, когда под влиянием внутренних или внешних факторов Россия ослабевала, мир начинал содрогаться, резко обострялись межнациональные и межконфессиональные противоречия и конфликты.

Такого рода процессы наблюдаются сегодня, когда различные государства пытаются в своекорыстных интересах поделить «советское наследство», что способно вызвать цепную реакцию неуправляемых геополитических изменений, новый передел мира, стимулировать терро-

ризм. Распад Советского Союза вызвал глубокий кризис международных отношений. Распад постсоветской России неизбежно приведет к глобальной геополитической катастрофе и, с учетом ядерного фактора, может стать роковым для человеческой цивилизации. Именно такие перспективы открывают всякие попытки принизить роль России как мировой державы, назначить ей место на задворках нового миропорядка.

Главный вызов глобализации перед Россией – идеологический, который требует, прежде всего, восстановления духовных оснований, выработанных историей. Их утрата особенно опасна в кризисных ситуациях. Она питает девиантное социальное поведение, люмпенизацию масс, коррупцию власти, демодернизацию и возврат к первичному уровню выживания, на котором не действуют высшие социальные функции. Разложение исторической памяти – первая предпосылка неспособности государства приложить адекватные усилия для развития страны, укрепления ее международных позиций. Реализация духовного потенциала традиционных ценностных ориентаций народа необходима для того, чтобы не потерять себя в обстановке хаоса, который непрерывно продуцируется условиями глобализации. Это проблема не просто идеологическая и политическая – она экзистенциальна. Это проблема продолжения истории России как мировой державы.